

Санитарное состояние ярославской Коровницкой тюрьмы в 1918–1920 гг.

Н. А. Миронова

Санитарное состояние ярославской Коровницкой тюрьмы – одно из свидетельств страшной разрухи в Ярославле в 1918–1920 гг. В документах отражаются сведения о серьезных проблемах коммунального содержания тюрьмы, об отсутствии гигиены, о скудности продовольственного обеспечения, о проблемах ассенизации. заключенные привлекались в качестве рабочей силы для проведения городских работ, а тюрьма была очагом распространения эпидемических заболеваний.

Ключевые слова: Ярославль, тюрьма, эпидемия, продовольствие, врачи, медицина, дезинфекция, ассенизация, дезинфекционная камера, повседневность, Коровники, 1918.

Sanitary Condition of Yaroslavl Korovnitska Prison in 1918–1920

N. A. Mironova

Sanitary condition of Korovnitska prison of Yaroslavl is an example of terrible collapse in Yaroslavl in 1918–1920. Documents demonstrate serious problems of maintenance of the prison, the lack of hygiene and scarcity of food and sewage disposal problems. The prisoners were engaged in different urban labours. The prison has become the pesthole of catching diseases.

Key words: Yaroslavl, prison, epidemic, provision, doctors, medicine, disinfection, sewage disposal, disinfection plant, everyday life, Korovniki, 1918.

После июльских событий 1918 г. санитарно-эпидемическое состояние Ярославля было необычайно тяжелым. Центральная часть города представляла собой огромное пожарище. Обострились проблемы, связанные с жилищными условиями и продовольствием. В 1919–1920 гг. в Ярославле вспыхивали эпидемии сыпного тифа, холеры, испанки [1].

Санитарное состояние ярославской Коровницкой тюрьмы может служить иллюстрацией к страшной разрухе этого времени. В настоящей статье мы не ставим целью всесторонний анализ сложившейся ситуации, а лишь обращаемся к свидетельствам современников, в большей степени врачей и медицинских сотрудников, чтобы выяснить санитарные условия содержания заключенных. Медицинские отчеты – важнейший источник сведений. Врачи контролировали санитарное состояние в городе и регулярно проводили осмотр тюрьмы (равно как заводов, фабрик, школ, убежищ погорельцев), давали работникам учреждений рекомендации и советы относительно того, как уберечься от эпидемий.

Главный корпус Коровницкой тюрьмы представлял собой трехэтажное каменное здание, на каждом этаже которого располагалось семь камер (см. рис. 1). Отопление было духовым (тепло передавалось от печи через коридор), а потому в камерах было сыро и холодно. Внутренние помещения, особенно угловые камеры, вообще не просыхали. «Стены в общем грязные, запущенные, нуждаются в побелке», – отмечали врачи [2, л. 9].

Воздух в камерах был спертым и зловонным. На этаже располагались две уборные, нуждавши-

еся в серьезном ремонте. Чудовищный смрад («вонючие камеры», «зловонный двор», «тяжелый дух тюрьмы») отмечали все медики, делавшие осмотр, и многие заключенные, прошедшие через тюрьму. Несмотря на то, что в 1918 г. при тюрьме действовал ассенизационный обоз, который привлекался даже к очистке городской территории [3, л. 15], и нечистоты вывозились на станцию Ярославль – Вятка, постоянное, неистребимое зловоние стало неотъемлемой характеристикой тюрьмы. По воспоминаниям заключенных, тюремный двор был необычайно смрадным. «Два двора предоставлялись в Ярославле для наших прогулок: маленький обычный тюремный дворик для “одиночек”, и другой, немного больше, но на котором со дня нашего прибытия в Ярославль и по день нашего отъезда вечно ремонтировались канализационные трубы. Работали не спеша, с “прохладцей”, частенько прерывая работы недели на две, на три, не считая иногда даже обязательным дать какой-нибудь сток нечистотам. Нечистоты скоплялись здесь же на дворе. И не угодно ли здесь дышать “свежим воздухом”!» – так вспоминает Ярославскую тюрьму эсер С. Володин [4, с. 186].

Несколько замедляло распространение различных болезней то обстоятельство, что камеры были просторными и заключенных в них содержалось меньше нормы: «Заняты были во время осмотра 16 камер, в которых содержалось 230 человек вместо нормы в 374, при втором осмотре в 12 камерах – 198 вместо нормы в 307» [2, л. 9].

Постель заключенного состояла из сенника, набитого мокрой травой, грубой простыни и одеяла. Согласно отчетам тюремщиков, смена

белья происходила раз в неделю, а постельного – раз в две недели. Между тем, во время осмотров врачи отмечали, что «белье на заключенных грязноватое». Вероятно, это объясняется тем, что прачечная, существовавшая при тюрьме, совершенно не справлялась с внутренним объемом работы. Медицинские работники пытались использовать ее для нужд городской больницы, о чем неоднократно сожалели: «Задержка в исполнении работы бывает целыми месяцами, что ставит больницу в крайне тяжелое положение, совершенно лишая ее возможности своевременной смены белья у больных, сверх того, стирка производится очень небрежно и белье возвращается непростиранное, не много чище отправленного в стирку», – жаловались врачи [5, л. 87].

Медики негативно относились к тому, что не всем заключенным стригли волосы, ведь именно вошь была основным разносчиком тифа. Тюремщики же объясняли, что «некоторые заключенные от стрижки отказываются, отчасти из эстетических побуждений, отчасти же вследствие своеобразно понимаемой свободы личности» [2, л. 9–10].

Санитарный врач Е. Лившиц так описывает условия содержания заключенных: «Особо выделяется пересыльная камера № 14, бывшая сапожная мастерская. Стены и потолок почерневшие. В камере зловоние, хотя заключенных в ней далеко меньше нормы, 10–11 вместо 31. По штату пересыльные должны содержаться в камере до 2 недель. Однако, вследствие нерегулярной деятельности этапов за последнее время, этот предельный срок не соблюдается... Пересыльные, в отличие от остальных заключенных, не получают белья ни тельного, ни постельного, ни полотенец. В бане моются наравне с другими, но после бани надевают свое грязное белье. Белье на заключенных осмотрено 3 и 10 декабря, причем оно оказалось весьма грязным и вшивым. 3-го декабря начальник тюрьмы после указания на то, что покрытые паразитами заключенные являются главными передатчиками болезни, заявил, что вполне возможно снабжать пересыльных и бельем на одинаковых с остальными заключенными основаниях. Тем не менее, к 10-му декабря эти мероприятия оказались невыполненными» [2, л. 9].

Неудивительно, что именно Коровницкая тюрьма стала одним из очагов сыпного тифа, бушевавшего в городе в 1918–1919 гг. «Тюремно-больничное дело поставлено весьма плохо: нет ванны, не хватает белья, служительский персонал состоит из тюремных сидельцев», – отмечали врачи [2, л. 15]. О том, как надзиратели «заботились» о заключенных, красноречиво свиде-

тельствует тот факт, что первый заболевший тифом Д. Наследников был отправлен в больницу только через 20 дней, пробыв, таким образом, в пределах тюрьмы достаточно долго [2, л. 9]. То же самое происходило и с другими заключенными: несмотря на появление сыпи и высокую температуру – явные симптомы известного всем заболевания – тюремщики не предпринимали ровным счетом ничего. К середине декабря в тюрьме было выявлено 34 больных сыпным тифом, причем болели как заключенные, так и члены семей надзирателей. Санитарно-эпидемический отдел попытался принять ряд мер для «полной изоляции тюрьмы». Во-первых, временно прекратили принимать в тюрьму новых заключенных и отпускать на волю отсидевших. Заключенных редко выпускали на общие работы. Во-вторых, решено было закрыть главный корпус до производства ремонта и полной побелки. Заключенных разместили в одиночные камеры – но по двое, предоставив возможность свободно выбирать себе компаньона. Санитарный врач Г. И. Лившиц настоял на проведении дезинфекции среди заключенных, на увеличении количества выдаваемого мыла, на некотором улучшении их питания [5, л. 11]. Вопрос с питанием был наиболее болезненным, так как нехватка продовольствия ощущалась во всем городе. Уголовные заключенные не получали продуктов от родственников, и оттого имели особенно болезненный и истощенный вид [2, л. 9].

Отчеты врачей свидетельствуют, что кухня тюрьмы располагалась в «сальном» помещении с черными стенами. Грязь и отходы валялись повсюду – и потому, разумеется, сама скудная пища становилась источником болезней и отравлений. Чем же кормили заключенных? Размер пищевого рациона изменялся в зависимости от количества получаемых продуктов. К зиме 1918 г. ситуация ухудшилась. Хлеба выдавалось полфунта в день. На обед заключенным отпускали $\frac{3}{4}$ фунта капусты, 1–2 фунта картофеля, полфунта рыбы или мяса (конины). Согласно официальным заявлениям начальника тюрьмы, кипяток предоставлялся на целый день, кроме того, находящиеся на работе получали добавочный ужин и четверть фунта хлеба в счет рабочей платы [2, л. 9]. Если сравнить условия жизни заключенных (как они представлены в отчетах начальника тюрьмы) и, например, пациентов городской больницы, то можно увидеть, что они не так уж различаются [8]. Однако, если обратиться к *воспоминаниям* заключенных этого периода, можно легко понять, что отчеты тюремных чиновников официальным лицам (санитарным вра-

чам) о достаточном питании заключенных расходятся с истиной. В тюрьме дело с продовольствием обстояло действительно плохо. «В ужин кладутся картофельные отбросы и гниль, которые подбираются лопатой и ошпариваются кипятком», – с такими жалобами обращались заключенные к врачам. Когда медики провели тщательный анализ пищи, то действительно наши очистки и гниль. В свое оправдание повар заявил, что «многие заключенные требуют, чтобы суп был погуще, и просят картошку совершенно не чистить». Кражи и злоупотребления со стороны поваров были довольно частыми [2, л. 9].

С осени 1918 г. и в течение всех 1920-х гг. голод в ярославской тюрьме – постоянное явление. Если осенью-зимой 1918–1919 гг. врачи еще отмечали «доброкачественность» хлеба, выпекаемого в тюремной пекарне, то в дальнейшем в медицинских отчетах крайне редко можно видеть даже «удовлетворительную» оценку тюремного продовольствия. Эсер М. Володин вспоминает: «Целый день голоден. Жадно ищешь хлебных крошек на столе. Да и как быть сытым. Фунт хлеба, мешанного с мякиной и соломой, паточная конфетка, баланда на обед, баланда на ужин. Все разнообразие в том, с чем баланда: с крохотным кусочком гнилого мяса, с разваренной ржавой и тухлой селедкой или с затхлым пшеном. Трудно не только работать, читать трудно: голова кружится – ложишься. Продовольственная помощь “с воли” первый месяц совершенно отсутствовала: ВЧК сначала тщательно скрывала наше местопребывание, а затем, когда “тайна сия была открыта”, категорически отказала в приеме передач для нас. И только в последующие месяцы скудно просачивались передачи Политического Красного Креста и наших родных. Ждали мы этих передач с нетерпением и всегда получали добрую половину съестных продуктов сгнившими, протухшими, с явными следами крысиных зубов. Добиться разрешения отправить в Ярославль социалистам-революционерам мешки с передачами, да это было воистину для всех наших родных и близких, для Политического Красного Креста хождение по мукам! Постоянный голод скоро начал сказываться; стали развиваться и прогрессировать различные хронические заболевания: туберкулез, сердечные недомогания, острое малокровие, желудочные болезни. Плохим паллиативом служил и “больничный стол”. Правда, “больничный стол” давал ломтик сыру да ложки две киселю, но он отнимал четверть фунта хлеба» [4, с. 189].

Тюремная больница, состояние которой М. Володин, как видим, оценивает крайне негативно, также находилась под наблюдением городских врачей, однако у санитарно-эпидемической службы города не хватало ни персонала, ни средств, чтобы исправить сложившуюся ситуацию (городская больница переживала тяжелые времена). Тюремная больница предполагала 65 штатных коек. Врачи писали: «В палатах зловоние. Белье плохо стирается за недостатком мыла, меняется раз в неделю как на лихорадящих, так и на лихорадящих. Ходячих больных водят в общую баню. Ванна имеется лишь для чесоточных и последнюю неделю не функционирует. Служительский персонал набран из самих заключенных» [2, л. 9–10].

В условиях эпидемии бани приобретали все большее значение. В распоряжении тюрьмы находилась даже дезинфекционная камера (см. рис. 2), которая, правда, работала не всегда. Осмотрев ее, врачи сделали вывод о «недостаточном oznакмлении персонала с устройством камер». Врачи использовали тюремную камеру для нужд городской больницы.

Как видим, санитарное состояние Ярославской тюрьмы в первые революционные годы было чрезвычайно тяжелым и постоянно ухудшалось. Ярославские врачи, занятые решением проблемы эпидемий в самом городе, не могли уделить должного внимания тюрьме. Не удивительно, что Коровницкая тюрьма становится очагом эпидемий. Принимая во внимание подобное санитарно-эпидемическое состояние заведения, разумеется, нельзя говорить о его нормальном функционировании и, тем более, о выполнении задачи «перевоспитания» человека.

Примечания

1. Подробнее об этом см.: Миронова Н. А. Эпидемия сыпного тифа в Ярославле в 1919 г.: «Как вы будете экономику проводить, когда 70 % в сыпняке?» // Ярославский педагогический вестник. – 2009. – № 2(59). – С. 245–249; Миронова Н. А. Санитарно-эпидемическое состояние Ярославля в 1918 г. // Ярославский педагогический вестник. – 2009. – № 1(59). – С. 232–238.

2. См.: Государственный архив Ярославской области (далее ГАЯО). – ФР-3456. – Оп. 1. – Д. 32.

3. ГАЯО. – ФР-3456. – Оп. 1. – Д. 11.

4. Володин С. Эпопея увоза в Ярославль [Текст] // ЧЕ-КА. Материалы по деятельности Чрезвычайных комиссий. – Берлин, 1922.

5. ГАЯО. – ФР-3456. – Оп. 1. – Д. 22.

6. ГАЯО. – ФР-3456. – Оп. 1. – Д. 31.

7. Фото тюрьмы [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://yarcercenter.ru>

8. Подробнее см.: Миронова Н. А. Санитарно-эпидемическое состояние Ярославля в 1918 г. // Ярославский педагогический вестник. – 2009. – № 2(59). – С. 232–238.

9. Большая медицинская энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://bigmeden.ru/>

Рис. 1. Коровницкая тюрьма, 1920 г. [7]

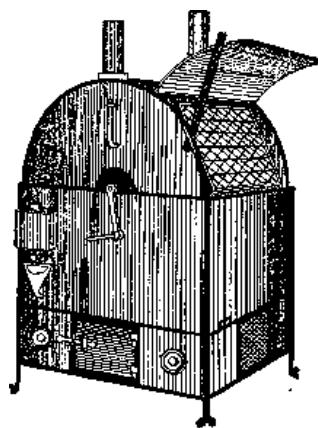

Рис. 2. Дезинфекционная камера «Гелиос» [9]

Дезинфекционная камера представляла собой ящик из гофрированного железа, разделенный чугунной плитой на две части: нижняя занята топкой, нагревающей через плитку воздух камеры, а в верхней помещается барабан. В барабан закладывались обеззараживаемые вещи. Для увлажнения горячего воздуха снаружи аппарата был приделан металлический сосуд, из которого вода по трубке попадала внутрь камеры и падала на раскаленную плитку. Барабан вращался со скоростью 12–15 оборотов в минуту. Нагревание воздуха в «Гелиосе» должно было быть не ниже 120°. Дезинсекции длилась около 30 минут. Существовали аппараты стационарного и подвижного типа. При правильном пользовании аппарат обеспечивал надежный дезинсекционный эффект.